

— Старшая невестка к общему столу не привыкла, это ей. Потом отнесёшь, — сказала старуха Лу, не отрываясь от дел. — Всё-таки семья.

Ой, да солнце, видать, на западе взошло!

Гао Хуэй смотрела на старуху Лу, как на диковинку, — вот уж не ожидала.

— А-а-а! Подгорело! Подгорело!

Цзи Жань смотрел на подгоревшие грибы на палочке и мрачнел. Когда-то он гриль-мастером слыл, не то чтобы великим, но похвалу заслуживал. И вот вся репутация на этих грибах прахом пошла.

— Ты грибы-то жарь, а на меня чего уставился? — Лу Чжэнь вытащил у него из рук почерневшую палочку и отбросил в сторону, сунув взамен новую. — Подгорели и подгорели. Их ещё много, не пропадём.

Цзи Жань шмыгнул носом, взял палочку, посыпал грибы солью и снова над огнём расположил.

— Просто интересно, — сказал он. — Всё думал, призраки, как и боги, — не от мира сего. А ты, гляди, какой приземлённый. Как там говорится? И в палатах, и на кухне годен?

Чем больше Цзи Жань думал о своих словах, тем смешнее ему становилось. Уставился на шипящие на огне грибы и глупо ухмыляется.

Лу Чжэнь смотрел на него, не понимая, но выпытывать не стал. Протянул ему курицу, уже румяную и блестящую от жира. — Готово, ешь.

Цзи Жань посмотрел на курицу, потом на грибы в руке. Не раздумывая, сунул грибы Лу Чжэню, а сам курицу принял, отломил ножку и вцепился в неё зубами.

Только пару раз прожевал — стук в дверь.

— Старшая невестка! Старшая невестка дома?

Не в пример утреннему натиску старухи Лу, стучали теперь деликатно и тихо.

Но это «старшая невестка»...

Цзи Жаня опять как обухом по голове.

— Это Гао, жена Чанцина, — пояснил Лу Чжэнь.

Цзи Жань посмотрел на курицу, потом в сторону дома. Эх, нищета — даже тарелки, чтобы курицу поставить, нет. Отойти не могу, руки заняты.

— Дай-ка, — Лу Чжэнь, видя его затруднение, протянул руку, взял курицу и, не снимая с вертела, прямо в землю воткнул.

Цзи Жань покосился на курицу, которая качалась на ветру, уголок рта дёрнулся. Продолжая грызть ножку, он повернулся и зашагал в дом. Жуёт быстро, так что от боковой комнаты до главной ножку обглодал дочиста. Рукавом рот вытер — и дверь открыл.

Как только дверь открылась, Гао Хуэй осветила его подобострастной улыбкой.

— Старшая невестка ещё не кушала? — И тут же сунула ему в руки миску с парой палочек для еды. — Утром такая неприятность вышла, подумала, тебе неудобно в главный дом идти, вот и отложила тебе.

Цзи Жань глянул вниз. Миска большая, полная до краёв, рис с овощами горкой. Но миска риса — не повод, чтобы потом вором обзывали. Да и разве сравнится пресная каша с курицей-грилем?

— М-м, что это так вкусно пахнет? Старшая невестка сама готовит? — Цзи Жань только собрался отказаться, как Гао Хуэй носом повела, сунула миску ему в руки, отпихнула его и сама в дом вошла, напрямик к боковой комнате, на запах.

Цзи Жань едва удержал миску, поднял голову — а Гао Хуэй уже вдали.

Какая бесстыжая!

Цзи Жань и остановить не успел. Торопливо дверь прикрыл и быстрым шагом за ней последовал. Хороша, мол, «еду принесла»! Бьюсь об заклад, на запах жареной курицы примчалась!

— Ой-ой, вот откуда запах-то! Старшая невестка курочку зажарила! — Гао Хуэй увидела курицу, и глаза у неё прямо загорелись. Но к тому времени, как Цзи Жань поравнялся с ней, она уже пришла в себя и улыбалась. — Только грибы зря отдельно жарите. Надо бы в курицу их запихнуть, вместе запекать. Так и ароматнее будет, и соком пропитаются. Да и куриный жир — тоже жир. Хоть капельку масляного вкуса получат. Свекровь наша уж больно бережливая, круглый год у нас варёное да пареное, масло в сундуке припрятано, только по праздникам достаётся, чтоб народ порадовать. Мы, взрослые, привыкли, а вот ребятня малая, неразумная, всё мяса просит.

Говорила Гао Хуэй, а сама краем глаза на Цзи Жана поглядывала. Видит — тот только палочкой в миске с зеленью ковыряется, никакой реакции. В душе недовольство зашевелилось, но на лице не показала, продолжая играть роль понимающей и доброй снохи.

— Эх, курочка-то, поди, на несколько цзиней тянет. Старшая невестка, одна всю осилишь? — Гао Хуэй подумала: раз намёков не понимает, будем говорить прямо.

Цзи Жань смотрел на Гао Хуэй с противоречивым чувством. Он, в общем-то, не был жадиной. Особенно на еду. В прошлой жизни и бездомных кошек-собак подкармливал, не то что людей. Но вот манера этой семьи Лу его бесила. Кого угодно выбесит, если с порога тебя травить начнут, вором обзовут. Нельзя же, как тряпка, всё терпеть да ещё и по первому требованию отдавать — сочтут за слабака, за того, кого можно пинать.

Но вот эта Гао Хуэй... Хоть она ему и не нравилась, но открытой вражды между ними не было. Утром, в той истории, мобилизовалась, можно сказать, вся семья, кроме невидимого четвёртого сына. Даже Лэн Сянлянь с пузом приплелась, дверь нараспашку открывала, чтоб все смотрели. Он тогда хорошо заметил: Гао Хуэй была единственной, кто не орал и не глазел, а детей своих в сторонке держала.

К тому же курицу он и вправду один не съест. Поделиться можно. Заодно и остальных позлю.

Подумав так, Цзи Жань улыбнулся. Поставил миску на каменную лавку, взял курицу, оторвал ножку и протянул Гао Хуэй.

— Возьми ножку. Детям на добавку.

Одна ножка — на несколько детей разломить можно. А взрослые... хе-хе, пусть смотрят да слюнки глотают.

Надо сказать, Цзи Жань с виду весёлый, а характер — злопамятный.

У Гао Хуэй улыбка на лице застыла. В сердце её что-то кольнуло. Такая курица здоровая — и всего одну ножку отвалили! На зубы не налезет, детям на всех не хватит, не то что взрослым... Ладно, раздербанить на волокна — каждому по чуть-чуть достанется. Хотела бы, конечно, припрятать, но еду-то свекровь велела отнести. Если без добычи вернусь — скандал будет. Впрочем, она скрыла, что это свекровь поручила. С «старшей невесткой» отношения налажу — потом ещё не такое перепадёт.

Так размыслив, Гао Хуэй внутри успокоилась.

Не зря она считала себя выше этой Лэн Сянлянь, у которой только личико, а мозгов — кот наплакал. Забеременела — и нос задрала, будто других не рожали! У самой-то двое уже! Хм! Утром свекровь ещё за то, что в сторонке стояла, отчитала, да Лэн Сянлянь нахваливала, чтобы ей урок преподать. А теперь что? Всё равно ей, Гао Хуэй, отношения налаживать.

— Ой, старшая невестка, что ты, как неловко-то! — С деланным смущением Гао Хуэй достала платок, завернула ножку и сунула за пазуху. — Ну, ты кушай, неспеша. Я попозже за посудой найду.

Когда Гао Хуэй ушла, Цзи Жань не стал церемониться. Отщипнул немного куриного мяса, бросил в миску с рисом и принялся уплетать.

— Думал, не станешь есть, — сказал Лу Чжэнь, протягивая ему поджаренные грибы.

Цзи Жань, руки заняты, прямо с его руки гриб откусил.

— За ножку выменял. Не съесть — грех, — сказал он. Расплата деньгами и товаром — дело второстепенное. Главное — одну курятину есть, жирно будет. С рисом да овощами — в самый раз. А оставшуюся курицу на вечер оставить можно. — М-м, грибы хороши. Дай ещё.

Лу Чжэнь покорно продолжил его кормить.

— Грибов больше не надо, этих хватит. Остальные посушим, спрячем, потом в суп кинуть можно, — Цзи Жань уже полмиски управил — и овощи, и грибы, и курятины изрядно. Рис-то грубый, не то что белый, но с мясом да грибами идёт. Только суховат. Цзи Жань ел быстро, несколько раз сглотнул, прежде чем продолжить. — Потом опять в горы ходим, дичи настреляем, на рынке сбыть. Деньги нужны — и посуду купить, и хозяйство обустроить. А то всё на огне жарить — жару в печёнке наберёмся.

— Как скажешь, — безропотно согласился Лу Чжэнь.